

Глава I. Подготовка к жизни

Юные годы

«Когда я была школьницей, у нас был учитель, у которого была навязчивая идея — он требовал учить наизусть биографии знаменитых женщин, для того чтобы мы брали с них пример. Наставление, которым он сопровождал пересказ этих биографий, всегда оставалось неизменным: „Вы тоже должны стараться стать знаменитыми. Разве вам не хочется стать знаменитыми?“ „О нет, — однажды сухо ответила я. — Я такой никогда не буду. Я слишком хорошо отношусь к будущим детям, чтобы добавлять в список для них еще одну биографию“».

Несмотря на это достойное похвалы желание, когда эта школьница выросла, известность все же пришла к ней, и «еще одна биография» была добавлена в этот список.

Мария Монтессори родилась в Кьяравалле в провинции Анкона 31 августа 1870 года, в год, когда произошло объединение Италии. Ее отец Алессандро Монтессори был родом из Болоньи и происходил из знатной семьи. Он был типичным консерватором старой закалки, военным, который в свое время заслужил награду за храбрость, проявленную во время боевых действий. К концу жизни это был человек благородной наружности, с военной выправкой и прославившийся своей необыкновенной обходительностью.

Мать Марии Монтессори, Ренильда Стоппани, была племянницей прославленного Антонио Стоппани, великого философа, ученого и священника, которому после смерти Миланский университет воздвиг памятник. Ренильда Монтессори была необыкновенно добропорядочной и обаятельной женщиной, и между дочерью и матерью, которую Мария напоминала

внешностью и темпераментом, возникли близость и понимание, которые оставались неизменными, несмотря на превратности судьбы, до тех пор, пока в 1912 году смерть матери не разлучила их.

Существует мнение, что метод Монтессори заключается в том, чтобы разрешать детям делать все, что они пожелают. Совершенно иной подход к воспитанию ребенка царил в доме Монтессори; ее мать была сторонницей строгих методов дисциплины, но, невзирая на это, жизнь Марии была счастливой. Однажды, вернувшись домой после месяца каникул, маленькая Мария начала жаловаться: «Я голодная; я хочу есть». «Ты должна немного подождать, дорогая», — ответила мать. Но ребенок не хотел ждать и так настаивал, что мать открыла буфет, нашла кусочек хлеба, пролежавший там месяц, и сказала: «Если ты не можешь ждать — ешь!»¹

Каждый день в обязанность Марии входило вязание для бедных. Конечно, это занятие не могло быть для нее серьезным испытанием, поскольку уже ребенком она проявляла интерес к людям менее счастливым, чем она сама. По соседству с ней жила горбатая девочка. Сочувствуя девочке, Мария поддерживала с ней тесные дружеские отношения и часто приглашала ее на прогулку. Это доброе намерение, однако, не дало хороших результатов, контраст между двумя девочками был настолько разительным, что в конце концов ее мать тактично предложила прекратить эти прогулки и найти другие средства, чтобы помочь несчастной девочке.²

Сохранилось письменное свидетельство и другого случая из детства Марии, который оказался в некотором роде пророческим. Однажды случилось, что между родителями возникла ссора. Маленькая Мария взяла стул, втиснула его между родителями, взобралась на него, а затем соединила и крепко сжала их руки. И так всю свою жизнь: Мария не только не оставляла без внимания «несправедливо обиженных», но и в любых обстоятельствах выступала как миротворец. По сути,

¹ *Maccheroni A. A True Romance*, p. 11.

² Там же.

труд всей ее жизни можно представить как попытку положить конец извечному противоборству, которое велось и все еще ведется между Ребенком и Взрослым, противоборство, которое, как мы увидим позже, является вполне реальным, несмотря на то что оно происходит на подсознательном уровне.

Мария провела свое детство в Анконе, где она ходила в обычную дневную школу без пансиона. Казалось бы, в школе у нее, как и у любого ребенка, не было особых амбиций. Однажды она встретила одну свою одноклассницу, которая горько плакала, потому что ее оставили на второй год. «Я не могла понять ее горя, — рассказывала Монтессори, — потому что, как я ей сказала тогда, одна классная комната ничем не отличается от другой!»

Должно быть, временами Мария казалась довольно необычной и непонятной не только учителям, но и своим одноклассникам. Во время игры — а она часто была заводилой — Мария могла сделать иногда самое неожиданное замечание, например, когда нужно было выразить неодобрение, она могла презрительно воскликнуть: «Ну ты! Ты же еще даже не *родил-ся*». Может, она уже в то время смутно осознавала свою будущую доктрину о том, что развитие человека может быть описано как последовательный переход от рождения к более высоким уровням развития? В любом случае, ее одноклассникам не нравилось такое обращение, и они жаловались своим родителям: «А она говорит, что мы даже еще не родились!»

Сама Мария даже в период детства обладала глубоким чувством собственного достоинства. Однажды она услышала, как один из учителей бросил про выражение ее глаз уничижительную фразу: «*Quegli occhi!*» (в переводе с итал. «Ох уж эти глаза!»). В знак протеста Мария в присутствии этого учителя больше никогда не поднимала «этих глаз». Этот инцидент, незначительный сам по себе, стоит отметить, принимая во внимание, какое важное место в своей системе Монтессори уделяет уважительному отношению, которое сродни почтительности, даже к самым маленьким детям. Также интересно заметить, что для нее было проще отстаивать свое собственное достоинство перед взрослыми, чем перед своими однокласс-

никами; вот замечание, которое она однажды адресовала одному из них: «Напомни мне, пожалуйста, что я решила больше никогда с тобой не разговаривать!»

Выбор карьеры: «Кем угодно — только не учителем»

Когда Марии было около двенадцати лет, ее родители переехали в Рим для того, чтобы дать своему единственному ребенку лучшее образование, чем она могла бы получить в Анконе. Но даже столичными возможностями по части образования нелегко было удовлетворить амбиции этого необыкновенного ребенка. У нее уже сложилось собственное мнение по поводу своего образования. В возрасте четырнадцати лет ее заинтересовала математика, и этот интерес она сохранила на протяжении всей жизни. Ее родители предложили ей заняться преподаванием, в то время это была единственная доступная для женщины карьера. Но она категорически отказалась даже обсуждать это. Все, что угодно, но только не это! Поскольку у Марии были склонности к математике и она очень любила ее, она решила посвятить себя карьере инженера. Даже в настоящее время эта профессия (если нет войны) — не типична для женщины; а в то время это и представить было трудно. Так как «престижный пансион для молодых леди» не мог удовлетворить ее необычные амбиции, Мария училась в технической школе для мальчиков. Через некоторое время ее пристрастия изменились, она еще больше увлеклась биологией. Но со временем этот нежный возраст¹ прошел, и она приняла окончательное решение делать то, что ей действительно хотелось, — изучать медицину.

К сожалению, это был прыжок из огня да в полымя. Молодой девушке учиться на медицинском факультете! Это было неслыханно, абсурдно, невозможно! Все итальянские моралистки вскинули руки к небу в ханжеском ужасе. Но это ни капельки не волновало молодую решительную девушку;

¹ См. главу VII.

не обращая внимания на них, она добивается аудиенции главы комитета по образованию доктора Бачелли. После того как *он* отчетливо сформулировал, что невозможно будет выполнить ее планы, она вежливо поблагодарила его, сердечно пожала ему руку и спокойно сказала: «Я *знаю*, что я стану доктором медицины». Затем она, почтительно склонив голову, вышла.

Мы не можем проследить все подробности ее борьбы. Достаточно сказать, что в конце концов она добилась своего, и в установленном порядке впервые в Италии женщина была зачислена на медицинский факультет университета.

И более того, она выиграла стипендию — вернее, ряд стипендий, она выигрывала их каждый год. Впоследствии, будучи студенткой, она увеличила свой доход, давая частные уроки. В действительности она в значительной степени сама оплачивала свою учебу в университете — это факт, который стоит отметить, учитывая его связь с ее подобными идеями в будущем о значении экономической независимости в развитии подростка.

Испытания в период студенчества

С поступлением на медицинский факультет отнюдь не закончились трудности для этой смелой девушки. Студенты, ревниво относящиеся к ее вторжению в сферу, принадлежащую до сих пор только им — мужчинам, в течение многих месяцев преследовали девушку своими издевательствами. Однако достаточно быстро они поняли, что этим ее не запугать. Она оказывала сопротивление с такой силой, что со временем преследование превратилось в невольное обожание. Она относилась к их нападкам с благодушным безразличием и лишь мимоходом бросала реплику в свойственной ей манере тем студентам, которые, проходя мимо нее в коридоре, выдыхали из себя презрительное «Фу!»: «Дуйте, дуйте, друзья мои, — весело отвечала она, — чем сильнее вы дуете, тем выше я взлечу».

Эта девушка обладала силой характера, чем-то таким, что производило впечатление даже на беспечных студентов меди-

цинского факультета. Один из них обычно сидел в лекционном зале позади Марии и болтал ногами так, что ее парта начинала вибрировать. Ей это не понравилось, и, повернув голову, она сердито посмотрела на него. Он сразу же прекратил свои движения и прошептал соседу: «Оказывается, я бессмертен». «Почему ты говоришь об этом?» — прошептал сосед в ответ. «Если бы я не был бессмертным, я бы уже умер. Ты видел, как она посмотрела на меня?»

«В те дни, — услышал я однажды от Монтессори, — я чувствовала, что я должна что-то совершить». И это естественно, поскольку ей казалось, что трудности и существуют для того, чтобы их преодолевать.

Когда автор этих строк был в Риме, он встретил пожилого профессора, который читал лекции на медицинском факультете как раз в то время, о котором мы говорим. Этот господин был свидетелем одного случая, который сохранился в его памяти спустя много лет. По его словам, это произошло, когда он должен был читать лекцию, а в Риме разыгралась сильная снежная буря. Была такая метель, что никто из студентов не явился, никто, за исключением одного человека: это была его студентка. Последняя, обнаружив, что в аудитории она одна, скромно предложила профессору отложить свою лекцию. Он и слышать не хотел об этом; такое рвение должно быть вознаграждено. Таким образом, лекция была прочитана как обычно, но только для одного человека!

В университете Мария столкнулась и с другими трудностями, более серьезными, чем враждебность студентов противоположного пола. В то время считалось неприличным для девушки анатомировать трупы в присутствии мужчин. Поэтому практическую работу в прозекторской она должна была выполнять самостоятельно; а это означало, что она проводила много времени одна, среди трупов, очень часто по вечерам после наступления темноты. Потребовалась изрядная доля решительности, чтобы продолжать работу в этом мрачном окружении. Более того, ее путь усложнялся еще и противостоянием ее отца, который не одобрял карьеру, которую она выбрала.

Пророческое событие

Неудивительно, что эта непосильная ноша и другие трудности привели молодую первооткрывательницу на грань психологического срыва. Однажды, охваченная чувством отчаяния, молодая студентка решила прекратить свою неравную борьбу с этой «бездной неприятностей». И она ушла из прозекторской с твердым намерением выбрать другую профессию, на пути к которой будет меньше препятствий.

Так случилось, что дорога домой проходила через парк Пинчио, в котором в этот час было безлюдно. Она шла по парку, размышляя о своем решении, и увидела бедно одетую женщину с ребенком в возрасте примерно двух лет. Женщина была непричесанной и грязной — профессиональная попрошайка, — и как только Монтессори поравнялась с ней, тотчас женщина начала просить у нее милостыню. Но не женщина, а ребенок предопределил изменение жизненного пути Марии. Пока мать ребенка произносила заученные завывания, малыш, сидя на земле, совершенно беспечно играл обрывком цветной бумаги. Было что-то особенное в выражении его лица — такое безмятежное счастье от сознания, что у него есть этот жалкий клочок цветной бумаги. Он всей своей маленькой душой был так поглощен этим занятием, что вдруг наблюдавшая за ним студентка почувствовала нечто, что лучше всего может быть передано словами из стихотворения Мэтью Арнольда «*Похороненная жизнь*». Это было словно:

Там из глубины его души обратно вылетела пуля,
И вновь забился пульс, и чувства забурлили вновь.

Движимая чувствами, которые она не могла объяснить, она повернулась и пошла обратно в прозекторскую. С этого момента чувство отвращения к работе в этом неприятном окружении покинуло ее и никогда больше не возвращалось. Рассказав об этом случае в одной из наших бесед, Монтессори продолжила: «Я не могу этого объяснить. Но так уж случилось. Вы, вероятно, думаете, что это глупая история и, если Вы расскажете ее кому-нибудь, наверняка над ней просто посмеются».

В этой истории мы видим пример того, что в глубине души гениальной личности живет некая таинственная приверженность к работе, которая ей предначертана, и ко всему тому, что связано с ней. В последующей главе я продемонстрирую, что нечто подобное произошло с Фрёбелем.¹ И он и Монтессори были посланы в этот мир, чтобы пролить свет на неизведанные глубины детской души.

В то время и в течение многих последующих лет Монтессори не подозревала, что она обретет смысл своей жизни в сфере образования. Ее жизнь в целом демонстрирует принцип, который она исповедовала в последние годы жизни: «Жизненный путь нельзя увидеть, подготовка к жизни проходит невидимо, жизнь нельзя потрогать». В те годы, когда она болела, и ее друзья беспокоились о ее здоровье, она говорила: «Не беспокойтесь; я не умру; мне еще многое предстоит сделать (*Ho da fare*)».

Примирение

Несмотря на то что ее отец решительно не одобрял той линии, которой Мария придерживалась в жизни, ее мать, Ренильда Мотессори, никогда не сомневалась в том, что ее дочь достигнет успеха на выбранном пути. Ренильда была верным другом и сторонником Марии, она помогала ей всем, чем могла.

К счастью, и отчужденность между отцом и дочерью не была навечно определена судьбой — она закончилась благодаря одному драматическому событию. В то время на факультете медицины существовала традиция — каждый студент после первого года обучения должен был выступить с публичной лекцией перед преподавателями университета. Это было серьезным испытанием для всех, но для нее особенно. Предрассудки все еще были сильны, и многие пришли на лекцию не только поспорить с оратором, но и были готовы помешать ему. «В те дни я чувствовала себя

¹ См. главу XIX.

как укротитель львов», — говорила Монтессори, вспоминая тот случай.

Так случилось, что в то самое утро, когда должна была состояться лекция, Алессандро Монтессори встретился на улице с другом, который с удивлением спросил его: «Разве ты не идешь на лекцию?» «Какую лекцию?» — удивился отец, который ничего не знал о делах дочери. Последовало объяснение, в результате которого Алессандро поневоле был вынужден пойти на лекцию. Успех молодого врача был колоссальным и мог сравниться с триумфом богини Порции. Трактовка темы была такой блестящей, изложение таким безупречным, а ее манера говорить такой завораживающей, что ее недруги были уничтожены, а публика устроила ей овацию. Ее отец оказался в центре толпы, где каждый стремился поздравить его с такой дочерью. Гадкий утенок превратился в лебедя.

Итак, Мария Монтессори стала первой женщиной в Италии, получившей степень доктора медицины. В этом же (1896) году ее выбрали представителем итальянских женщин на конгресс феминисток, проходивший в Берлине. Там она защищала права работающих женщин и делала это с такой страстью и с таким знанием дела, что во многих странах появились ее портреты в газетах. Несколько лет спустя (в 1900 г.) она участвовала в подобном конгрессе в Лондоне. Здесь она выступила с критикой практики использования детского труда на рудниках Сицилии и выразила свою поддержку движению, проходившему под покровительством королевы Виктории, которое было направлено против эксплуатации детского труда. Интересно отметить, что с самого начала мы наблюдаем яркое проявление одной характерной черты Монтессори, которую нельзя назвать лучше, чем стремлением выступать от имени обездоленных людей. В одном из моих последних разговоров с доктором Монтессори — ей тогда было уже за восемьдесят — она упомянула, что во время первой поездки в Лондон ее вместе с другими делегатами конгресса принимала сама королева Виктория, с которой ей удалось побеседовать.

Монтессори приступает к работе с умственно отсталыми детьми

Должно было пройти еще десять лет, прежде чем доктору Монтессори открылась великая миссия ее жизни, десять лет непрерывной и разнообразной деятельности, о которой нам предстоит сейчас кратко рассказать.

Вскоре после окончания университета доктор Монтессори была назначена ассистентом врача психиатрической клиники в университете в Риме. В ее обязанности входило посещать больницы для душевнобольных в Риме, для того чтобы отобрать подходящих пациентов для клиники. Именно это привело к тому, что она заинтересовалась детьми, у которых наблюдались отставания в умственном развитии и которых в тот период классифицировали как душевнобольных. И это еще раз иллюстрирует ее сочувствие к обездоленным людям: ее доброе сердце было тронуту жалкими условиями существования этих несчастных детей, и ей страстно захотелось им помочь.

Но что касалось Марии — она не только сострадала и проявляла сердечную доброту, она думала над этим. Она смотрела на этих бедных детей и окружающую их обстановку глазами, озаренными светом гениальности. Следующая история хорошо иллюстрирует сказанное.

В одном из приютов для душевнобольных она увидела группу несчастных детей, которых всех вместе, как узников, сопровождали в комнату, похожую на тюремную камеру. Женщина, присматривавшая за ними, не пыталась скрыть отвращения, которое она к ним испытывала. Монтессори спросила ее, почему она так презрительно к ним относится. «Потому что, — ответила женщина, — как только они заканчивают есть, они бросаются на пол и подбирают крошки». Монтессори посмотрела вокруг и увидела, что в комнате у детей нет ни игрушек, ни каких-либо других вещей, комната была абсолютно пустой. Здесь в буквальном смысле не было предметов в окружении детей, которые они могли бы взять в руки и потрогать. Монтессори увидела в поведении детей стремление

совершенно иного и более высокого уровня, чем просто поиск еды. Она поняла, что для этих бедных созданий существует единственный путь к развитию интеллекта — и это путь через руки. Инстинктивно эти бедные малыши устремлялись к единственно доступным средствам.

Чем больше Монтессори входила в контакт с этими детьми, чем больше изучала их и размышляла над их состоянием, страстно желая им помочь, тем сильнее убеждалась в необходимости отказаться от общепринятого взгляда на умственно отсталых детей. Для нее становится все более очевидным, что умственная отсталость — в большей степени педагогическая проблема, нежели медицинская. Она приходит к убеждению, что с помощью специальных коррекционных методов их психическое состояние может значительно улучшиться, эту точку зрения также разделяли французские врачи Жан-Марк Итард, Эдуард Сеген и некоторые другие.

Она говорит: «Сфера деятельности, необходимая для того, чтобы дать возможность этим несчастным существам снова интегрироваться в человеческое общество, занять свое место в цивилизованном мире, научить их обходиться без помощи других, развивая в них чувство собственного достоинства, настолько захватила меня, что я осталась в ней на долгие годы».

Монтессори — директор ортофренической школы

Благодаря интересу к умственно отсталым детям Монтессори знакомится с трудами Жан-Марка Итарда и Эдуарда Сегена, двух французских врачей, упомянутых выше, которые посвятили свою жизнь обучению таких детей. Благодаря им ее интуитивные догадки усилились. В 1899 году на педагогическом конгрессе в Турине Монтессори выступила с докладом о нравственном воспитании. В нем она выражала свою убежденность в том, что «дети с задержкой в развитии не находятся за пределами общества, они имеют такое же, если не большее, право на образование, как и нормальные дети». В Италии к этой точке зрения пробудился такой интерес, что доктор Гвидо Бачелли, ставший к тому времени министром образо-

вания, пригласил доктора Монтессори прочитать несколько лекций в Риме об умственно отсталых детях. Она откликнулась на это предложение, и после цикла лекций, которые заложили камень в основу педагогической науки в Италии, была образована государственная ортофреническая школа. Доктор Монтессори была назначена ее директором и занимала эту должность в течение двух лет, в 1899—1901 годах.

Из разных римских школ сюда были собраны дети, которые, по устоявшемуся мнению, безнадежно отстали в своем развитии. Позже в это учебное заведение из психиатрических больниц Рима были переведены все слабоумные дети.

В течение этих двух лет Монтессори с помощью своих коллег подготовила группу учителей, владевших «специальной методикой изучения и обучения умственно отсталых детей».

Монтессори посетила также Лондон и Париж с целью изучения всех известных в то время методик борьбы с этой проблемой. Но самое важное — это то, что по возвращении она полностью посвятила себя обучению детей. Мы можем сказать о докторе Монтессори то же самое, что говорили о сэре Уолтере Рейли его современники: она всегда демонстрировала свою способность «неустанно трудиться». Целый день, с восьми утра и до семи вечера, она проводила с детьми; а затем вечером засиживалась допоздна, делая записи, составляя таблицы, сравнивая, анализируя и размышляя, занимаясь подготовкой новых материалов. «Эти два года практики, — шутливо замечала она, — в действительности и есть мое первое и единственное педагогическое образование».

Ранняя интуиция

С самого начала работы с умственно отсталыми детьми у Монтессори было чувство, что методы, которые она применяла, «не содержали ничего особенного, что ограничивало бы их использование только сферой обучения умственно отсталых детей». Напротив, она была убеждена, что они основаны на педагогических принципах «более рациональных, чем те, которые используются традиционно». И на самом деле только

«потому, что они были более рациональными, с их помощью могли совершенствоваться слабо развитые умственные способности».

Под ее умелым руководством слабый разум этих детей (в то время приравняемых к душевнобольным) развивался с неожиданной и поразительной скоростью. Именно ее заслугой было то, что целый ряд слабоумных детей из психиатрических больниц научились читать и писать настолько хорошо, что они могли с успехом участвовать в публичном экзамене наряду с обычными детьми.

Этот успех, кажущийся чудом, приветствовал хор аплодисментов; между тем размышления доктора Монтессори уже двигались в другом направлении. «Пока все восторгалось моими умственно отсталыми, я искала причины, по которым здоровые и счастливые дети из обычных школ находились на таком низком уровне развития, что по результатам тестирования умственных способностей мои несчастные ученики ни в чем им не уступали».

Чем глубже она осмысливала эту аномальную ситуацию, тем сильнее она ощущала, что причина кроется в различии педагогических принципов. «Это чувство, таившееся в глубине души и интуитивное по природе, стало моей направляющей идеей. Я убедилась, что применение схожих методов к обычным детям будет удивительным образом способствовать развитию личности и ее свободе».

Подготовка к неизвестному будущему

Так, в 1901 году, когда Монтессори оставила работу со слаборазвитыми детьми в ортофренической школе в Риме, она уже размышляла над вопросом обучения нормальных детей. Должно было пройти еще семь лет, прежде чем ее теория воплотилась в практику, а ее «догадки» подтвердились.

Причины для такой отсрочки были разные. Прежде всего она чувствовала необходимость продолжать учиться и думать над этой проблемой. Хотя Монтессори уже сама читала лекции в университете, она снова записалась *в студентки* и слу-

шала курсы философии и психологии. Слова, которые позже она напишет одной молодой учительнице (которая станет одной из ее наиболее одаренных и страстных последователей), мы можем отнести и к ее собственному образованию: «Собратиться с силами, даже когда кажется, что они иссякли, а цель лишь смутно вырисовывается, — это великое дело, и оно рано или поздно принесет свои плоды».¹ Монтессори об этом периоде своей жизни пишет так: «Я чувствовала — как будто я берегу себя для некой неизвестной миссии».

Оглядываясь назад на первые карьерные шаги Монтессори, мы можем легко проследить, как все, что она делала, превратилось в подготовку, и очень важную подготовку, к великому открытию, которое будет сделано позже.

Мы не ошибемся, если попытаемся прочесть ее будущее в ее прошлом. Но пока это прошлое не наступило, оно было будущим; и она еще не знала, что произойдет. Совершенно ясно, что Монтессори чувствовала: она должна выполнить некую миссию в своей жизни, но что это за миссия и каким образом ее предстоит выполнить, она пока не знала. Она понимала только, каким будет ее следующий шаг. Будущее все еще было окутано туманной пеленой и должно было проявляться постепенно. Монтессори была уверена: если она сделает все, что может в настоящем, будущее выстроится само по себе.

Несмотря на ее серьезное научное образование и в огромной степени практический характер работы, в ней было что-то мистическое. Для нее искусство жить заключалось прежде всего в причастности к тем незаметным, но добрым делам, которые могли бы повлиять на события и жизнь людей. Поэтому она никогда не старалась без надобности форсировать развитие событий, будучи убежденной (как Гамлет) на своем опыте, что «есть некая сверхъестественная сила, которая предопределяет цель нашей жизни, формируя ее так, как мы пожелаем». Я однажды слышал, как она излагала теорию об искусстве жизни, которая состоит в том, чтобы научиться «подчинять себя происходящему».

¹ Письмо к синьорине Маккерони.

На первый взгляд это производит впечатление фаталистической капитуляции перед предначертанной судьбой, но ничего подобного. Если правильно интерпретировать эти высказывания и принять во внимание примеры из ее собственной жизни, то она имела в виду жизнь, полную великодушного смирения перед долгом и полную нелегких побед, ведущих к необыкновенному раскрытию ее гения. Таким образом получается, что ее жизнь была подобна тропе, идущей по узкому ущелью к неожиданно открывающемуся горизонту, на этом пути накапливался разнообразный опыт, который подготавливал ее следующий шаг. В действительности ее теория «подчинения происходящему» далека от фатализма, она во многом соответствует тому, что Эмерсон имел в виду, когда говорил, что «путь жизни прекрасен; он наполнен самоотречением». В переломные моменты своей жизни она чувствовала какое-то непонятное душевное напряжение — это было более глубокое ощущение, чем просто работа разума, как будто в душе у нее, как у Сократа, жил «демон» и он знал больше, чем она сама.

Второй период в образовании

Когда придет время и ей откроется ее «неизвестная миссия», она будет к этому готова. А пока, как мы сказали выше, она чувствовала необходимость в получении более полного и глубокого образования. В течение этого второго периода обучения Монтессори еще более скрупулезно изучает труды Итарда и Сегена, которые приводили ее в полное восхищение. Итард жил во времена Французской революции и занимался исследованием глухонемых. Вероятно, он больше известен благодаря обучению слабоумного мальчика, который был найден в лесах Авероны. Эта затея потребовала от него невероятного терпения, о чем он написал в своей книге *«Наблюдение и обучение дикого мальчика Авероны»*.

Доктор Эдуард Сеген был учеником Итарда и основал в Париже школу для умственно отсталых детей. Он достиг блестящих успехов и получил широкую известность. Но самую высокую награду он получил от Французской Академии. Сеген

изложил свой метод в книге под названием «*Traitement Moral, Hygiène et Education des Idiots*» («Гуманное отношение, гигиена и обучение идиотов»). Эта книга обобщила десятилетний опыт работы с умственно отсталыми детьми в его школе в Париже. Монтессори так высоко ценила труды Итарда и Сегена, что, по ее словам, она «перевела на итальянский язык и переписала своей собственной рукой их труды от начала до конца (Только книга Сегена состояла из 600 страниц. — *Примеч. авт.*), создавая для себя книги, как это делали бенедиктинцы до распространения книгопечатания. Я выбрала такой способ для того, чтобы у меня было время взвесить каждое слово и поистине проникнуться духом авторов».

В более поздний период жизни Сеген эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, где он основал множество заведений для слабоумных и где по прошествии еще двадцати лет он опубликовал второе описание своего педагогического метода под названием «*Идиотизм и его лечение физиологическим методом*». Эта книга была опубликована в 1866 году. Монтессори узнала о ней, но в течение долгого времени она не могла ее заполучить. Она описывает, как в поисках книги, когда она была в Лондоне, она обошла дома «почти всех известных английских врачей, которые занимались умственно отсталыми детьми или курировали специальные школы». Она только что закончила переводить и переписывать 600 страниц французского издания книги Сегена, как по почте пришла другая его книга. Но полученный экземпляр был найден среди книг, выброшенных из частной библиотеки одного нью-йоркского врача. (Когда посылку открыли, книга была такой пыльной и грязной, что Алессандро Монтессори настоял на том, чтобы ее продезинфицировали перед тем, как его дочь будет ее читать!)

Эта новая и более поздняя книга Сегена связана с *основными принципами* его метода, который был описан в предыдущей книге. В ней Сеген выдвинул точку зрения, что его «физиологический метод», в основе которого лежит индивидуальное обучение ученика с применением педагогических методов на основе анализа физиологических и психологических процессов, должен также использоваться при обучении нормальных детей.

Он был уверен, что использование этого метода «приведет к полному духовному возрождению человека».

Преподаватель и практикующий врач

В течение десяти лет, после того как в 1896 году доктор Монтессори окончила университет, ее интересы не ограничивались только работой с умственно отсталыми детьми. Она также изучала нервные болезни детей и время от времени публиковала результаты своих исследований в специальных журналах.¹

С 1896 по 1906 год она возглавляет кафедру гигиены в *Magistero Femminile* в Риме — одном из двух женских колледжей в Италии, в то же время (другой находился во Флоренции). Ее также постоянно приглашали в качестве экзаменаторов на факультет педагогики. (Между прочим, интересно заметить, что еще одним приглашенным экзаменатором в те годы был Луиджи Пиранделло, позже ставший известным как драматург.) Многие студентки, которые в то время учились у нее, впоследствии стали занимать высокие должности в педагогических учебных заведениях Италии, принося с собой частичку ее огня и энтузиазма.

В 1904 году доктор Монтессори стала профессором Римского университета, где в течение четырех лет она возглавляла кафедру антропологии. Ее первой крупной публикацией стала книга под названием «*Педагогическая Антропология*».

Доктор Монтессори — преподаватель университета

Анна Маккерони так описывает свои впечатления о лекции Монтессори для учителей, которую она впервые услыша-

¹ Среди них: «The Cephalo-Rachitic Liquid in Paralytic Insanity»; «The Case of a Solitary Tubercle in the Middle Brain»; «The Influence of Culture in Reactions to Psychological Tests»; «The Influence of Social Conditions on the Mental Development of Children in School»; «Anthropological Characters of Children who are Judged as either the Best or Worst in Public Schools».

ла в университете в Риме в 1906 году: «Зал был переполнен молодыми юношами и девушками. Монтессори читала лекцию стоя, глядя на аудиторию пронизательным взглядом. Впоследствии я обнаружила, что, читая лекцию довольно многочисленной аудитории, она могла каким-то образом общаться с каждым индивидуально, что можно назвать своего рода способностью устанавливать духовный контакт.

Я сразу заметила, что она — очень привлекательная женщина, и что еще произвело на меня большое впечатление — так это то, что она не следовала моде, характерной для многих ученых женщин того времени, — одеваться в мужском стиле. Ее платье, хотя и простое, подчеркивало ее элегантность и женственность.

В этой открытой лекции она говорила не столько об антропологии, как о школах, о функции, которую они должны выполнять. Она особо подчеркнула два важных момента: во-первых, долг учителя заключается в том, чтобы помогать, а не выносить приговор; во-вторых, настоящая умственная работа не утомляет, а служит питательной средой, пищей для души.

Она была самым привлекательным преподавателем, с легкой и милой манерой общения. Все, что она говорила, было согрето жизненным теплом. Я помню, как некоторые студенты говорили: „Ее лекции пробуждают в нас желание стать лучше“. Это выражение напоминает замечание другого учителя, учившегося на ее курсе год или два спустя: „Мы не понимаем всего того, чему она старается научить нас, но для всех нас это духовный стимул“.

Кроме работы в качестве преподавателя Римского университета и женского педагогического колледжа, она работала практикующим врачом в клиниках и больницах Рима, а также, хотя в это трудно поверить, занималась частной практикой, по крайней мере в этот период жизни.

Ее пациенты — будь то в больнице или у себя дома — никогда не были для нее только «пациентами», кроме того, что она использовала в работе знания и умения, она всегда проявляла интерес к личности больного. Известна одна история, рассказанная автору одной дамой, которая в то время жила в Риме.

Однажды доктора Монтессори вызвали к двум больным детям — близнецам, — которые были так близки к смерти, что отец сказал: «Зачем беспокоить врача, они почти мертвы». Родители были очень бедными и не могли позволить себе нанять служанку или сиделку. Когда молодая женщина-врач прибыла на место, она с первого взгляда разобралась в ситуации. Она сняла пальто, зажгла огонь, отправила мать спать, согрела воду и искупала детей, «придерживая их со знанием дела», приготовила им поесть — и так постепенно, час за часом, возвращала их к жизни, будучи служанкой, поваром, сиделкой и врачом в одном лице. Спустя несколько лет, когда мать с детьми встретила эту *женщину-врача* на улице, она подтолкнула вперед детей со словами: «Идите и поздоровайтесь с этой женщиной, мои дорогие, не я, а *она* — ваша настоящая мама, это *она* подарила вам жизнь». Приятная и вполне заслуженная похвала.

Такое обращение с неимущими частными пациентами было характерно для Монтессори, и конечно, хорошо, что она не зависела от денег, получаемых за частную практику. К счастью, как мы видим, у нее была и другая работа: врач в психиатрической клинике, преподаватель в педагогическом колледже, а позднее — должность профессора антропологии в университете.

Между тем время открытия приближалось, и приближалось довольно быстро, хотя она еще этого не знала, время, когда она оставит свою частную практику, откажется от преподавательской карьеры и бросится, как Колумб, сквозь неизведанные и не отмеченные на карте моря открывать Новый Свет.